

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 4

Глава 2 19

Глава 3 35

Глава 4 49

Глава 5 65

Глава 6 79

Глава 7 95

Глава 8 109

Глава 9 122

Глава 10 136

Глава 11 151

Глава 12 166

Глава 13 176

Глава 14 190

Глава 15 206

Глава 16 223

Глава 17 239

Глава 18 255

Глава 1

— Какой Сыктывкар? Ну какой еще Сыктывкар?! — в голове Гио крутились вопросы, наползая друг на друга, пока он шел по мокрому асфальту площади трех вокзалов, — Все в Москву едут, а я, наоборот, из Москвы!

Был конец сентября, но не та золотая осень, которой восхищался Пушкин и которую так любят мастера романтических фотосессий. На дворе стояла самая мерзкая мразь из всех возможных. Климатический привет из Петербурга. При такой погоде кажется, что, куда бы ты ни уехал, хуже уже не станет. Так что сомнения Гио, какими бы сильными они ни были, теряли инерцию и растворялись под тяжестью серой ваты хмурого московского неба.

До отправления поезда оставалось еще сорок минут. Гио успевал зайти в магазин, купить что-нибудь в дорогу. Полтора литра минералки и три пачки «Доширака» — такого набора должно хватить на сутки пути. Корейская лапша быстрого приготовления отвечает всем требованиям путешественника по минимальному набору белков, жиров и углеводов, а Гио был крайне неприхотливым пассажиром. Любое место в плацкартном вагоне обладало достаточным уровнем комфорта для перемещения его тела в пространстве.

Георгий Джигоев родился и вырос в Тбилиси, плоть от плоти южный человек, но не так давно он принял, наврное, самое радикальное решение в своей жизни.

Шутка ли, отправиться жить в республику Коми, когда из всех знакомых у него там только девушка Ира, с которой он познакомился на отдыхе в Анапе, и двоюродный брат Тамик. Не особо много точек опоры, но уж как есть. Гио привык в жизни полагаться на себя, и особой паники от переезда не испытывал. Он был наслышан про высокие зарплаты в Сыктывкаре и повышенный северный коэффициент. Когда на тебе мама и младшая сестра, надо думать, где заработать.

— Двадцать восьмое место. — Проводница на перроне внимательно посмотрела на протянутый билет и сверила данные пассажира с паспортом. — Молодой человек, проходите, не задерживайте очередь!

Вагон поезда при посадке — всегда хаос. А плацкартный вагон — хаос, помноженный на три. Если в купе люди могут спрятаться и толкаться уже в своих мелких ячейках, то плацкарт больше напоминает старую казарму или лагерный барак, если будет угодно, где личное пространство полностью отсутствует.

— Шесть, семь, — Гио протискивался по вагону в поисках своего места.

— ...Мужчина, ну куда вы претесь!..

— ...Женщина, я-таки извиняюсь, но это мое место...

— Четырнадцать, пятнадцать.

— ...Галя, где мое пиво? Только не говори, что ты забыла!..

— ...Мишенька, туалет еще закрыт. Сядь спокойно и пожди, пока поезд поедет...

— Двадцать один, двадцать два.

— ...Ну не люблю я черных, и что? Понаехали!..

— ...Позвони Коле, скажи, что мы уже в поезде...

— Двадцать семь, двадцать восемь. — Гио остановился возле нужного места, закинул рюкзак на верхнюю полку, а сам присел на нижнюю, дожидаясь, пока бардак в вагоне поутихнет. Впереди его ждали сутки в пути.

— Провожающие, выходим-выходим! Состав отправляется! — по вагону шла проводница крупных пропорций и выгоняла всех, кто не имел на руках проездных документов.

Толчка не было, просто картинка за окном тихонько поплыла в сторону центра Москвы, оставляя за кадром заплаканную тетюшку и семью с двумя детьми, радостно машущих кому-то в поезде. Молодой парень в мокрой куртке сперва пытался шагать вровень с поездом, улыбаясь кому-то в окне вагона, но очень быстро начал отставать и совсем исчез. Скоро и Ярославский вокзал скрылся из виду. О его существовании напоминали только обилие железнодорожных путей и массивная техническая инфраструктура, задействованная, очевидно, в обслуживании поездных составов.

Гио не стал дожидаться, пока попутчики переоблачатся в тренировочные костюмы и развернут вареных курочек. Он раскатал матрас на своей полке, застелил простыню и заправил голубую железнодорожную подушку в чистую наволочку. Затем он ловко забрался на свое место, устроился поудобнее, открыл сборник рассказов Варлама Шаламова, и шум вагона стал постепенно затихать и растворяться. Строчка за строчкой мысли Гио переносились все дальше — в бездушный мир ГУЛАГа, где жизнь человека ценилась меньше, чем кирка, которой он долбил мерзлый бетон колымской земли.



Я с двух лет разговаривал на трех языках: на русском, грузинском и осетинском, — *рассказывает Гио. Мы встретились с ним в кафе рядом с парком Ваке в Тбилиси. Гио часто забывает здесь встречи по делам, потому что серьезный разговор без накрытого стола — это просто small talk.* — Меня на все лето отправляли к бабушке, которая не говорила и не понимала ни по-русски, ни по-грузински. Только по-осетински. Это мамина мама, а отца мать жила с нами. У нас так принято было, что после смерти отца старший сын забирает мать к себе и ухаживает за ней до конца жизни. Дома мы говорили по-грузински, а в садике все общались по-русски.

В позднем Советском Союзе, в семидесятых-восьмидесятых годах, грузинская интеллигенция старалась отдавать своих детей в русские детские сады и школы. Считалось, что грузинский язык ребенок и так будет знать, потому что он на нем всегда разговаривает, а учиться надо на русском, чтобы в будущем иметь конкурентное преимущество. Хотя Грузинская ССР и считалась одной из самых зажиточных республик в Союзе, перспективы все же виделись в переезде в Москву или Ленинград. Юный Гио Джигоев ходил в русский детский сад и в шесть лет пошел в русскую школу №148. У него в районе было четыре русские школы, но ближайшая находилась в соседнем квартале, и каждый день он топал минут пятнадцать туда и столько же обратно.

— Мне в школе всегда было весело, — *вспоминает Гио.* — Я хорошо учился, и меня никогда не заставляли. Мне было реально интересно. Точные науки меня не особо радовали, но когда родители это понимали, они перестали от меня требовать глубоких познаний в алгебре и геометрии: «Просто сдай,

и все». Мой отец был творческим человеком, и он, скорее всего, понимал, что я тоже гуманитарий и заставлять меня не надо. А все, что касалось истории, биологии и прочей гуманитарщины, — это у меня всегда было на отлично. Плюс, меня обожали все учителя, хотя я был капец что за хулиганистый пацан.

— *В чем выражалось твое хулиганство? — я делаю глоток пива. Пока готовится заказ, официант принес нам два бокала янтарной «Ипы» в пузатых запотевающих бокалах на толстой ножке.*

— Братан, мы школу сожгли! — *Гио немного подается вперед и тоже делает большой глоток из бокала. Мы сидим на уличной веранде. В Тбилиси декабрь, но грузинское солнышко ласково пригревает, и прохлада почти не ощущается. Вполне комфортно.*

— *Так-так. Здесь, пожалуйста, поподробнее. Поджог школы — это важный этап в жизни каждого мальчика.*

— У меня был друг-двоечник, Тимур его звали, и он рисковал не перейти с нами из четвертого класса в пятый, — *продолжает Гио, закуривая и чуть дольше, чем нужно, задерживая огонь зажигалки перед лицом.* — И я предложил ему сжечь журналы.

У мальчишек не было четкого плана, но криминальная логика им подсказывала, что надо избавиться от доказательств плохой успеваемости Тимура. А если нет журналов, то нет и оценок. Причем сам двоечник боялся переходить к активной фазе плана, хотя ему это было больше нужно. Да что там, ему одному это и надо было. Гио тут подписался только ради друга.

— У одной преподавательницы был день рождения, и все учителя собрались, чтобы поздравить ее, —

вспоминает Гио. — Помню, что я по-гадски выхватил этот момент и сказал Тимуру, что сейчас идеальная ситуация, чтобы проникнуть в учительскую. У меня была жидкость для заправки зажигалок, авиационный керосин в пластиковой масленке. Я забежал в кабинет, облил журналы этой фигней и дал спичку.

На дворе был май, конец учебного года, в Тбилиси уже стояла жара, все окна в школе были открыты. При поддержке сквозняков пламя полыхнуло так, что очень скоро все коридоры школы были окутаны густым дымом от горящей бумаги. Началась паника, ученики и педагоги ломанулись на выход. Никаких противопожарных систем еще не было, и огню долго никто не препятствовал. Пока приехали пожарные машины, выгореть успела сама учительская, соседний класс и еще два этажа над ними. А первый этаж капитально залили водой. В общем, школе был нанесен колоссальный ущерб.

Расследование было недолгим, и поджигателей вычислили очень быстро. Кто-то видел, как они выбегали из учительской, а следом повалил дым. Пацанам устроили показательную порку, а родителей вызвали в школу и обязали оплатить ремонт обгоревших помещений.

Официант уже принес заказ, и наш стол оказался плотно заставлен тарелками разного диаметра и глубины с грузинскими яствами. Лобио, зелень, обалденная рачинская ветчина, хлебные палочки, обжаренные во фритюре и еще куча блюд, названий которых я не знаю.

— Меня очень часто били родители, — *продолжает Гио.*
— Отец ремнем, а мать палкой, которой белье мешают, когда кипятят. Я старался нырять под отца,

потому что ремень мягче ложился, а когда палка попадала в косточку, вот это было жестко. Мне, конечно, не нравилось, когда меня лупили, но с годами, если меня родители вызывали на ковер, я мог уже сказать: «Ну, к чему эти разговоры? Может, перейдем сразу ко второй части? Я получу свое, пойду зализывать раны и косячить дальше, а вы — заниматься своими делами. Мы сейчас время теряем». Потом у меня уже выработался иммунитет. Били меня постоянно, но, что удивительно, я совершенно не обижен на родителей. Я даже благодарен им за это.

Наира Георгиевна, мама Гио Пики:

Георгий учился очень хорошо, и у него не было любимых предметов. Если в день пять уроков, то пять пятерок. Если шесть уроков, то шесть. Но с поведением у нас всегда были проблемы. Если не каждый день, то через день я ходила в школу контролировать его. Бывало, конечно, что меня вызывали, но я и сама приходила. Мне очень не нравился круг его общения, и я старалась вовремя подойти к школе, чтобы перехватить его и забрать домой. Чем дальше, тем это было сложнее делать, но я старалась.

Возможно, переживания родителей за непослушного сына усиливались еще и от того, что сами они принадлежали к советскому обществу, где лояльность ценилась выше для продвижения по служебной лестнице. У тебя могли быть плохие оценки, но на это могли закрыть глаза, если ты послушный мальчик. Тогда тебя может ожидать хорошее будущее. Бунтари же были обречены на социальное дно. Очень умных тоже никогда не любили. Это даже считалось поводом для упрека: «Ты что, самый ум-

ный?» А маленький Гио был умным и очень строптивым, что, по мнению родителей, обрекало его на тяжелые испытания в жизни.

— У мамы лежит мой дневник за третий класс, и там записи красной ручкой от учителей: «Избивает детей. Забирает деньги. Создает группировки», — *рассказывает Гио.*

— *Я всегда опасался таких ребят. Ты вообще сам себя кем ощущал?*

— Злым я точно не был, но со мной запрещали общаться половине класса. У меня был друг, которого дома били за то, что он со мной гуляет.

— *Если ты не был злым, то какие у тебя были мотивации?*

— Я думаю, что это был ребяческий максимализм, неподчинение. К тому же для нас примерами были не спортсмены и актеры, а преступники и воры в законе. Мы видели, что у них все есть и они все могут.

Джигоевы жили в спальном районе, построенном для сотрудников Тбилисского электровозостроительного завода. Район так и назывался — ТЭВЗ, или Тэмка, если произносить название предприятия по-грузински. Тбилисские локомотивы до сих пор можно встретить на железных дорогах бывшего Советского Союза, но сейчас ТЭВЗ находится уже не в той производственной форме, что раньше. Район переименовали в Згвисубани, что значит «Район Тбилисского моря» — по названию большого водохранилища, которое питает окрестности пресной водой, а летом становится любимым местом отдыха жителей Тбилиси.

Отец Гио, Владимир Николаевич, в юности серьезно занимался баскетболом и даже играл в составе юни-

орской сборной Грузии. Но дальше спортивная карьера не заладилась, и он полностью переключился на музыку. А гитарой он занимался всегда, с самого детства. Какой-то период он даже играл в знаменитом грузинском ансамбле «Орэра», где в свое время пели великие Нани Брегвадзе и Вахтанг Кикабидзе.

Поначалу семья жила в однушке, но после рождения маленького Георгия Владимир Николаевич подал заявление на получение трехкомнатной квартиры с учетом того, что с ними еще жила бабушка, его мать. В советские времена такие схемы работали, особенно если играешь в топовой джазовой банде республики. После четырех лет ожидания они получили ключи от квартиры в новом доме, построенном по соседству.

Сперва это была типичная советская девятиэтажка, которую можно встретить в любой точке бывшего СССР, но очень быстро дом стал обрастать грузинским колоритом. В девяностых годах многие по беспределу пристраивали балконы к первым этажам многоквартирных домов, но в Тбилиси искусство пристроек возвели в абсолют. Люди не балконы лепили, а по полквартиры выносили на улицу и приделывали к дому огромные лоджии, опирая их на сваи. К дому крепили железный скелет пристройки на высоту всех этажей, а потом владельцы квартир уже сами их обустраивали. Так, живя на пятом этаже девятиэтажного дома, Джиевы смогли расширить свою жилплощадь на целых сорок пять квадратных метров.

Снаружи такие дома выглядят очень страшно, потому что каждый житель лепит свою часть из чего придется. Кирпич, шлакоблоки, дерево, железные

листы — кто что смог достать. Вход в подъезд оказывается утопленным метров на десять. Картина не самая позитивная. Дом, в котором вырос Гио, и сейчас выглядит так же, как тридцать лет назад, но к общему архитектурному хаосу добавилось еще и естественное обветшание конструкции. Такой нелепый бетонный старик, слишком много видевший в своей жизни.

Когда Гио было четыре года, у Джиевых родился второй ребенок. Симпатичного мальчонку назвали Ираклием, но радость в семье продлилась не больше года. Из роддома малыша выписали как здорового, и ни родители, ни участковый терапевт, который в стандартном режиме наблюдал за ребенком, не замечали никаких особенностей в его поведении. Но после плановой прививки от кори у маленького Ираклия поднялась температура до сорока градусов и начались сильные судороги. Родители вызвали скорую, и маму с малышом положили в больницу.

Наира Георгиевна, мама Гио Пики:

Врач спросил меня: «Вы ничего не замечали необычного?» А мы, конечно, не замечали. Я же не медик, и никто из врачей ничего такого не говорил. Там-то нам и поставили диагнозы ДЦП и парепарез — это когда поражены две конечности. Так начался наш тяжелый путь.

Ираклия часто возили в Москву, стараясь найти какое-то лечение, чтобы обеспечить малышу качественную реабилитацию. Постоянные процедуры, массажи, иглотерапия — все это стоило серьезных денег, и такие расходы для простой семьи казались неподъемными. Того, что Владимир Николаевич зарабатывал с концертов в филармонии, уже не хватало.

Надо было принимать решение, как-то менять свою жизнь и увеличивать заработки.

Что такое для профессионального музыканта значит играть в ресторане? Он занимался искусством в филармонии, а кабаки — это для лабухов, прибежище аутсайдеров, низкий жанр. Но зато платят. Какими бы бедными ни были времена, всегда оставались люди, у которых водились деньги и которые готовы были платить за хорошую еду, выпивку и живую музыку. Ради семьи Владимиру Джиоеву пришлось перешагнуть через свою гордость и сделать то, что должно. Он собрал джазовую банду и стал играть на свадьбах, юбилеях и везде, куда звали и где платили.

— В какой-то момент мой отец зарабатывал восемнадцать долларов в месяц и десять отдавал на то, чтобы я ходил учить английский, — *вспоминает Гио*. — А я этого не понимал. Вот ему делать нечего! Нахрена этот английский мне сдался? Только повзрослев, я осознал, что он совершал подвиг. Оставлял свою семью без денег ради того, чтобы я вырос образованным и у меня было будущее. А чтобы не тратиться на такси, он по ночам после работы в ресторане ходил пешком по десять километров от Авлабари до Тбилисского моря!

Детство Гио совпало с эпохой глобальных перемен. Экономически страна уже никак не тянула заявленные амбиции, и «Союз нерушимый республик свободных» затрепал по всем стыкам и соединениям. Сварные швы советского государства расходились, стальные заклепки из брони Родины вылетали одна за другой, а кое-где конструкция и вовсе проржавела насквозь.

— Помню, как-то к отцу приезжали друзья-музыканты из Москвы, — *рассказывает Гюо, прожевывая кусок ветчины и запивая его пивом. Официант уже успел обновить нам бокалы.* — Папе надо было с утра куда-то поехать по делам, и он попросил меня сопровождать их, чтобы они могли порешать свои вопросы, а чуть позже он к ним присоединится. Мы с этими мужиками зашли в магазин, они увидели консервы на полках и говорят: «Георгий, а тут есть поблизости рыболовный магазин, чтобы купить крепкие сумки?» Они купили вещмешки и давай затариваться этими консервами. А у нас всегда считалось, что консервы — это еда для бедных. Если нужно было купить кильку в томате или сардины, отец отправлял меня на другой район, где нас не знали. А то скажут еще, что Джиевы голодают. Я смотрел на то, как они, забыв про все, загружают эти консервы в брезент, и поражался. Они же из Москвы приехали. Неужели там совсем есть нечего?

В мае 1985 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренении самогонварения». По-простому — «сухой закон», который запрещал продавать в магазинах алкогольную продукцию. Но Грузия в этом смысле находилась на особом положении. Виноделие здесь — это не про алкоголь, а про культуру и национальную идентичность. Водка с прилавков, конечно, пропала, но вино продавалось без ограничений. Гости, приезжавшие из России, настолько сходили с ума от изобилия в продаже сухих, сладких и крепленых вин, что теряли волю. Любой конструктив заканчивался, цели приезда забывались, и начиналось отчаянное заливалово. Так что москвичи в Тбилиси не только закупались

консервами, но и пребывали в состоянии перманентного алкогольного опьянения.

— Я вообще не похож на своего отца в эмоциональном плане, — *говорит Гио.* — У меня в жизни как... Если я не могу решить какой-то вопрос или как-то повлиять на ситуацию, то я просто болт забью. Вообще об этом думать не буду. А отец был не такой. Если что-то не решалось, он очень нервничал. Плюс постоянная нервозность из-за моего больного брата. Отец очень тяжело это переносил. Когда он был дома, не выпускал Ираклия из рук. Что бы он ни делал, брат был тут же рядом. Единственное, когда он в туалет заходил, мог попросить поддержать его. Ираклий никогда не ходил, у него была сильная атрофия суставов и тяжелая форма ДЦП, сопровождающаяся эпилепсией. Я думаю, что все это и загнало его. Поэтому так рано и умер от рака. Каково это — каждый день смотреть на своего больного сына и понимать, что он никогда не поправится и умрет молодым? Когда у моей дочки зубы резались, обычный физиологический процесс, я уже себе места не находил. Меня всего корежило. А тут такое.

Я оглядываюсь по сторонам и обращаю внимание, что на диванчике за соседним столом улегся уличный пес с биркой на ухе. Он свернулся калачиком и спит в теплых лучах зимнего южного солнца. Официант видел это, но не стал прогонять малыша. В Грузии отношение к собакам совершенно особенное. Они тут очень экологично встроены в местный быт и чувствуют себя в такой же безопасности, как коты в Стамбуле, которые уже стали символом города. В Тбилиси нередко можно увидеть пса, который невозмутимо спит поперек тротуара, а люди спокойно обходят его, не решаясь потревожить сон хвостика.